

О.Г. Карпович

ЛИБЕРАЛИЗМ И ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Аннотация: Понятие «идеология» в современных концепциях и доктринах глобального управления играет одну из ключевых ролей. Особенно это касается так называемых «природных» американских концепций глобализма и глобального управления. В этих концепциях идеология предстает как целевое измерение стратегии и как основной фактор, формирующий стратегии глобализма и глобального управления. На сегодняшний день существует два главных идеологических русла: либеральное и реформистское. Они противопоставлены друг другу, но одновременно имеют много сходств. Оба этих течения считают, что существуют универсально применимые идейно-политические системы. Либералы включают туда такие ценности как индивидуальные свободы, соблюдение права частной собственности, политическая демократия. Для реформистов же это – социальная справедливость, равенство возможностей, демократия как принцип управления и коллективное участие в принятии решений (партиципатизм).

Ключевые слова: Политология, политика, общество, безопасность, глобальное управление, либерализм, политические концепции, США, интересы, глобальные процессы

В научных исследованиях, посвященных идеологии, часто можно встретить ее связь со стратегией. Ф. Войтоловский пишет, что понятие идеологической рефлексии «мотивирует субъект к выбору долгосрочных целей политического поведения, стратегий и средств их достижения. Все это определяется функциями, которые выполняют политические идеологии по отношению к групповому и индивидуальному сознанию – целеполагания, мобилизации на достижение определенных общественно-политических целей и задач, самоорганизации политического субъекта, выработки долговременных закономерностей его поведения»¹. Н. Косолапов напрямую связывает идеологию с целями актора. По его мнению, социально-политическая мотивация, которая формулируется идеологией, определяет иерархию сверхдолговременных, долговременных и текущих целей. Причем как правило текущие цели и действия оправдываются более отделенными.

Там же, где начинают говорить об оправдании, возникает сомнение в истинности, объективности и

адекватности идеологии, в ее беспристрастности. Вообще, почти вся незавидная история изучения феномена идеологии пронизана скептицизмом и пренебрежением к этому типу идей. Уже со времен А. Дестюта де Траси и Наполеона «идеология» приобрела скептически-уничижительный оттенок. Маркс и Энгельс продолжили эти традиции, обличая идеологию как «ложные мысли», противоположные научному мировоззрению. На заре изучения международных отношений доминировала школа политического реализма, которая пренебрегала идеологиями, предпочитая работать с рациональными интересами. С начала 1960-х гг. в англоязычной политической науке отношение к идеологиям начало меняться, она начинает изучаться, но смысл ее все равно к конечному счету сводился к искажению действительности, да и характерна она была, по мнению этих исследователей, в основном для СССР. С 1970-х гг. признается, что и у США есть своя идеология, а в 1990-2000-х гг. активно изучаются идеологические основы внешней политики США; идеология признается неотъемлемой характеристикой политического бытия государств и других акторов.

Ф. Войтоловский насчет «ложности» идеологии пишет следующим образом: «конечно, во многих случаях идеологии выступают пропагандистским при-

¹ Войтоловский Ф.Г. Идеологическая рефлексия мировой политики // Международные процессы. Том 5. Номер 3(15). Сентябрь-декабрь 2007 <http://www.intertrends.ru/fifteen/004.htm>

крытием текущих политических и экономических целей. Однако это не мешает идеологическим процессам иметь собственную инерцию и логику развития, которая на длительных временных отрезках заметно воздействует на мышление и поведение элит и обществ. Такая логика подчиняет себе их рациональные мотивы и даже затмевает их»².

Стоит признать, что любая политическая единица на мировой арене в той или иной степени руководствуется идеологией. Ведь без нее общность не способна приобрести характер субъекта.

С момента окончания «холодной войны» начала распространяться идея о «конце истории», созвучная с провозглашенной ранее Д. Беллом теорией о «конце идеологий». Но, как замечают российские исследователи, во многом сама идея о смерти идеологий является идеологизированной, с намерением оправдать господство атлантистского либерализма в глобальном масштабе. Ведь какая-то конкретная идеология может сходить с исторической арены, но идеология как таковая неустранима в обозримом будущем. А победа одной из сторон в идеологической войне означает лишь то, что будет господствовать идеология победителя.

Политическую идеологию стоит определить как «систему идей и представлений об организации, развитии и функционировании общества, которая имеет определенную ценностную ориентацию, предполагает связанные с ней гипотезы прошлого развития этого общества, интерпретацию настоящего и идеальную модель будущего социального порядка как внутри ее социального субъекта – носителя, так и в сфере его отношений с другими субъектами»³.

Можно увидеть сходство данного определения с определением стратегической культуры. Можно даже сказать, что идеология – это долговременная, устойчивая стратегия актора.

Стратегия не может быть полностью идеологически секуляризированной. Идеологическая нейтральность скорее похожа на лозунг, чем на реальность или перспективу. До сих пор наука не может предложить эффективные методы долгосрочного прогнозирования сложных процессов. Концепции, которые определяют стратегическое поведение акторов, всегда в какой-то

мере основаны на гипотезах, а значит и на идеологии. Демократические концепции основаны на веру в эффективность демократии; даже предпочтение сетевой организации – это вера в ее эффективность.

Идеологическая направленность стратегий основных акторов, анализируемая в контексте глобального управления, смыкается с темой восприятия глобализации в глазах основных участников. Ведь анализ идеологий в глобальном масштабе почти всегда исходит именно от исследований глобализации.

На сегодняшний день существует два главных идеологических русла: либеральное и реформистское. Они противопоставлены друг другу, но одновременно имеют много сходств.

О.Н. Барабанов прослеживает историю применение этих идеологий в глобальном управлении. В начале глобальными проблемами, в частности, проблемой бедности «Юга», занимались бреттон-вудские международные финансовые институты. Международный валютный фонд и Всемирный банк принимали меры по реструктуризации и списанию долгов беднейших стран. В начале 1970-х гг. Всемирный банк провозгласил стратегию «перераспределения за счет роста», которая предполагала переток капиталов от богатых стран к бедным под наднациональным контролем. Но стратегия не оправдала себя и не была слишком эффективной, возможно, из-за слишком узкого акцента на исключительно финансовую помощь.

Но с 1980-х, а особенно с 1990-х гг., когда активизировалась деятельность Программы развития ООН, обозначился новый подход, который, во многом, призван преодолеть недостатки старого, способствуя появлению глобального управления «с человеческим лицом». Проявление этого нового подхода – введение более широкой (не чисто экономической) категории для анализа уровня жизни в мире – индекса развития человеческого потенциала. Вместо транснациональной сети финансовых институтов и крупнейших корпораций предлагаются усилия, подчиненные совершенно отличным целям (в первую очередь, новый подход озабочен адекватной реализацией всех человеческих потребностей в мире). Конкуренция между этими двумя стратегиями особенно разгорелась после финансового кризиса 1997-1998 гг., когда «традиционные» методы решения социально-экономических проблем, используемые МВФ, были подвергнуты критике, и встал вопрос об их адекватности.

Барабанов верно сопоставляет эти два подхода, их полемику с традиционной для развитых западных

² Там же.

³ *Войтоловский Ф.Г.* Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-е – 2000-е гг. – М.: Крафт+, 2007. Стр. 32

стран противопоставленностью между либеральным и социально-ориентированным политическим курсом. Безусловно, экстраполяция внутривнутриполитических закономерностей на глобальный уровень влечет за собой многочисленные ошибки, но в данном случае эти два уровня человеческой деятельности копируют друг друга, и вместо национальных рынков в эпоху глобализации мы говорим о рынках глобальных, а вместо национальных социальных задач встают социальные задачи глобального масштаба. Поэтому глобальные идеологии не есть что-то особенное. И реальность, и особенности человеческого мышления ограничивают нас этими двумя альтернативами, если мы хотим остаться в дискурсе глобального управления.

Особенность либерального подхода к глобальному управлению заключается в том, что он не может быть отделен от мощной экономической составляющей. В глобализации либералы видят в основном экономическое явление. Особенно это касается изначально неполитических акторов, таких как ТНК. Побудительный мотив таких акторов – прибыль, а необходимые условия для этого: минимизация роли государства, открытие рынков, экономические свободы.

Политическая сторона либерального подхода связана с идеей распространения демократии западными странами. Эта идея не привязана к глобализационному тренду так как зародилась значительно раньше наступления эпохи глобализации, но уже тогда, по большому счету, функционировала как глобальная сила.

Типичный и один из сильнейших либеральных акторов глобального управления – это «Группа восьми». В коммюнике своего первого саммита 1975 г. лидеры G6 так определяют центральную задачу объединения: защита своих членов и продвижение в глобальном масштабе ценностей свободной демократии, личной свободы и социального прогресса. Несмотря на идеологические расхождения между странами-участниками, все они привержены основополагающему принципу – принципу демократии.

Со дня своего основания клуб активно двигал мир к желательному для себя либерально-демократическому порядку. В 1975 г., после падения диктатуры Франко, «Группа семи» содействовала присутствию в правительстве Испании демократов и препятствовала вхождению в него коммунистов. Клуб способствовал мирному распаду СССР, и созданию на постсоветском пространстве демократических государств. Он также много сделал для демократизации Балкан и Индонезии, поддержки демократии в Африке.

Идеологию и стратегию G8 важно учитывать сейчас, когда ставится вопрос о расширении клуба за счет новых, восходящих государств. Один из крупнейших исследователей G8 Дж. Дж. Киртон пишет, что вопрос реформирования клуба может быть решен только с учетом основополагающих принципов, лежащих в его основе.⁴

Либерально-глобалистское направление активно развивалось (как теоретически, так и практически) в Соединенных Штатах. Это обширное течение в США можно разделить на два направления: либерально-институционалистское и неоконсервативное. Неоконсерватизм является наиболее радикальной версией либерализма. Он представляет собой синтез штраусианства, троцкизма и грамшизма и предполагает распространение в мире западных ценностей (либерализма и демократии), установление повсеместно демократических режимов для того, чтобы обеспечить безопасность и мировое лидерство США, подавить первоначально распространение влияния коммунизма, в современности – исламского радикализма. Заметным влиянием концепция пользовалась в 70-е и 80-е годы, но по-настоящему агрессивным и бескомпромиссным неоконсерватизм стал во времена президентства Дж. Буша-младшего, когда эта идея стала чуть ли не основой внешней политики США.

В неоконсерватизме значительное место занимает военно-агрессивная составляющая, идея американского мессианства и единства американской нации, а также ориентация на возрождение традиционных социальных институтов. Но для нас важны такие позиции как стремление к уменьшению государственного регулирования экономики, увеличение свободы частного предпринимательства, замена эгалитаризма элитизмом, свертывание социальных программ и нетерпимое отношение к недемократическим режимам. Неоконсервативный глобализм характеризуется бескомпромиссным «троцкистским» желанием перестроить мир на ультралиберальных началах (причем цель всегда оправдывает средства, такие как война, «глобальная» ложь и др.), которые не подразумевают ничего схожего с «глобальным перераспределением», так как люди первоначально не равны, и всех благ заслуживает лишь самая либеральная нация (американская).

⁴ Дж. Дж. Киртон. Система «Группы семи/восьми» и глобальное управление // Европейский союз и «Группа восьми»: совместная ответственность за глобальное общественное благо / О. Н. Барабанов, В. Н. Зуев, В. А. Картамышев и др.; отв. ред. М. В. Ларионова. ГУ ВШЭ, 2011.

Неоконсерватизм, его методы и неудачи в 2000-х гг. вызвали бурные дискуссии и трансформировали идеологическое поле западных стран, переориентировав тенденции. В частности, значительно сбавляла темпы тенденция к сближению позиций глобалистов из реформистского и либерального лагеря. Политика администрации Дж. Буша-младшего оттолкнула социал-демократов и реформистов-глобалистов от либерального течения, дискредитировавшего себя американским неоконсерватизмом на практике.

К середине 2005 г. американская «официальная» глобалистская идеология, основанная на ультралиберализме/неоконсерватизме, стала предметом критики со стороны практически всех существующих течений, в том числе либералов и консерваторов.⁵ Мировое сообщество не приняло идеи об идеальности американской демократии и универсальности «американских ценностей». Для реализации основной функции глобального управления – решения глобальных проблем, – либеральная стратегия не предложила эффективной программы, которая устраивала бы не только США и их союзников, но и другие страны.⁶

Если либеральная стратегия мирорегулирования берет начало в экономических интересах и концепциях, то политическую концепцию глобализации впервые выдвинули именно теоретики реформаторского глобализма.⁷ В 1989 г. глобализация становится идеей официальной декларации главной реформистской организации мира – Социалистического интернационала.⁸ Глобализация основывается на всемирных ценностях, таких как солидарность, справедливость, демократия, гуманизм, права человека, мир и международная безопасность. Экономика должна играть подчиненную роль в глобализации, и явно ее движущей силой должен быть не транснациональный капитал, а в первую очередь свободный человеческий дух братства, о котором писали еще философы эпохи Модерна.

⁵ См. *Lowry R. Reaganism vs. Neo-Reaganism // National Interest. 2005. № 79.*

⁶ *Войтоловский Ф.Г. Идеологическая рефлексия мировой политики // Международные процессы. Том 5. Номер 3(15). Сентябрь-декабрь 2007 <http://www.intertrends.ru/fifteen/004.htm>*

⁷ *Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-е – 2000-е гг. – М.: Крафт+, 2007.*

⁸ Даже на символическом уровне стратегия глобализации Социтерна противопоставлена либеральному варианту (их *globaliSation* против американской *globaliZation*).

Если основным носителем либеральной стратегии мирорегулирования являются Соединенные Штаты, то у реформистской стратегии тоже есть свой оплот. Сегодня это *Европейский Союз*.

Многие авторы подчеркивают стабилизирующую роль ЕС по отношению к «американизированной» глобализации и «несправедливым» правилам современных международных отношений. Уилл Хаттон пишет: «Приверженность ЕС идеям общественного договора, а также общедоступности высококачественных социальных услуг является маяком для остального человечества. В отсутствие уравновешивающей силы, обладающей достаточной мощностью и готовой при необходимости использовать свои финансовые и политические мускулы, прекратится развитие многосторонних институтов и процедур, с помощью которых можно управлять глобализацией. Только ЕС обладает сейчас необходимым весом в мире, чтобы взять на себя такую роль»⁹. Конечно, в сегодняшних условиях значительным весом обладает Китайская Народная Республика, но, во-первых, западные исследователи вряд ли предпочтут Евросоюзу азиатского стабилизатора, а во-вторых, стоит помнить, что Китай вовсе не противостоит господствующим радикально либеральным трендам, чего не скажешь о позиции Европы.

Почему же многие европейские политики и исследователи критикуют существующую глобализацию? Значит, она подвергает опасности европейские ценности. И речь идет не только о социально-реформистском крыле европейской политики. Даже умеренные либералы Европы опасаются, что глобализация дестабилизирует общество. И в первую очередь она ударяет по основополагающей ценности – по демократии. Европейцы оказываются даже больше американцев привержены демократическим ценностям. Дело в том, что «сегрегация» народов на центр и периферию, покушение на суверенитет нации и неподконтрольность избирателям глобальных центров принятия решений – это то, что приносит неограниченная глобализация, и то, что напрямую редуцирует демократические принципы. Глобализация не выражает интересы народа, она выражает либеральные стратегии политических организаций и экономических корпораций.¹⁰ Этот пример выражает внутрен-

⁹ *Хаттон Уилл. Мир, в котором мы живем. М.: Ладомир, 2004. С. 279.*

¹⁰ *Мутаян М.А. Идеология глобализма и современный мир. http://www.allrus.info/main.php?ID=205780&arc_new=1*

нее противоречие западной идеологической и стратегической традиции, когда одна ценность нарушает другую при том, что обе прочно входят в размытую, но достаточно единую западную традицию.¹¹

Европейская реформистская стратегия желает поставить глобализацию на служение людям, стремится извлечь гуманистическую пользу из этого процесса и во многом «обелить» ее, восстановить ее изначальный престиж в духе Социнтерна. Для этого требуется, чтобы две ценности – интернационализация (пусть и в виде глобализации) и демократия слились и не противоречили друг другу. Идея демократического контроля над глобализацией со стороны европейских политиков высказывалась, в частности, на саммите G7 в Лионе в июне 1996 г. Тогда президент Франции Жак Ширак вместе с канцлером и министром финансов Германии предлагали положить конец конкуренции ставок налогообложения и усилить контроль над деятельностью мировых финансовых рынков. Однако эти рекомендации не смогли найти отражения в итоговом коммюнике из-за противодействия США и Великобритании.

Конкуренция англосаксонской и континентальной стратегий идет и в рамках «Группы двадцати». На саммите 7 ноября 2008 г. американская администрация призывала к умеренному регулированию элементов финансовой системы, которое не смогло бы снизить эффективность системы и рост экономики. Мнение стран ЕС отличалось. К саммиту они подошли с согласованными точками зрения. Позиция Европы в отношении регулирования глобализационных потоков заключалась в том, что «ни один институт, ни один сегмент рынка, никакая юрисдикция не должны избежать пропорционального и адекватного регулирования, или, по крайней мере, наблюдения»¹². Наиболее радикальной была позиция президента Франции Н. Саркози, который говорил о необходимости «полной перестройки системы в глобальных масштабах» и призвал к формированию «новой формы капитализма», в которой «финансы служили бы людям и компаниям, а не наоборот».

¹¹ Примерно то же противоречие выявляется в конфликте либерализма с социализмом, который, в частности, определял политико-идеологическую картину всего XX века.

¹² Цит. по Европейский союз и «Группа восьми»: совместная ответственность за глобальное общественное благо / О. Н. Барабанов, В. Н. Зуев, В. А. Картамышев и др.; отв. ред. М. В. Ларионова. ГУ ВШЭ, 2011. Стр. 159

Как можно видеть из различия позиций внутри европейского сообщества (в данном случае между радикальным Н. Саркози и другими европейскими лидерами, показавшими больше умеренности), в реформистском течении, как и в либеральном, можно наблюдать два субнаправления. В случае с реформистами это *либерал-реформизм* и *социал-реформизм* (социал-демократия).

Впрочем, такое деление было характерно скорее для XX века. В настоящее время эти два течения почти полностью слились. Причина такого поворота – исчезновение политико-идеологической альтернативы в виде социалистического содружества. Социал-демократы теперь не могли играть удобной роли третьей силы, как результат – гомогенизация позиций элит.

Похожую ситуацию выявили Р. Барбрук и Э. Камерон, но только в сфере Интернет-идеологий. *Калифорнийская идеология* в Интернет-среде играет роль либерализма в глобализованном мире. Она говорит об освобождающем потенциале новых информационных технологий, которые позволят людям как творчески самореализовываться, так и зарабатывать. Эта идеология также близка к полному господству, и также интегрирует в себя разнонаправленные идеологии: как «правых», так и «левых», как «яппи», так и «хиппи». Результатом этого становится частичная подмена ценностей для реформистски-ориентированных деятелей. Авторы так описывают эту ситуацию: «Люди по всему миру по-прежнему верят, что Калифорнийская Идеология выражает единственный путь в будущее. Со всевозрастающей глобализацией мировой экономики многие члены «виртуального класса» в Европе и Азии испытывают все большее единение со своими калифорнийскими единомышленниками, нежели с другими рабочими в своей стране»¹³. Можно даже сказать, что слияние «новых левых» и «новых правых» вокруг Калифорнийской идеологии – «конкретный пример более широкого консенсуса касательно антигосударственного либерализма как политического дискурса в США»¹⁴.

Это больше чем конвергенция идеологий, о которой писал Д. Белл. Это кооптация реформистских сил в либеральный дискурс. Ведь как либерализм, так и Калифорнийская идеология, после произведенного слияния противоположностей, дрейфуют вправо, не

¹³ Барбрук Р., Камерон Э. Калифорнийская идеология. <http://www.zhurnal.ru/4/calif0.htm>

¹⁴ Там же.

имея поддержки слева и каких-либо сил и желания сопротивляться идеологическому «мейнстриму».

Проблема даже не в том, что движение левых реформистов потеряло всякие перспективы. Ничего не мешает ему воспрянуть на новой волне тенденций. Проблема заключается в том, что «левые» и «правые» на Западе оказываются не так радикально противопоставленными, как это принято изображать. У них есть общая целевая основа, и когда они осознают то, в чем они принципиально сходятся, это оказывается более мощной силой, чем то, на чем они расходятся.

Интересное доказательство в этой связи приводит Ф. Войтоловский. Социнтерн, оказывается, находит много полезного и прогрессивного в либерализации рынков, снижении государственного контроля над финансово-экономическими процессами, разрушении механизмов перераспределения, ведь все это создает предпосылки для создания таких систем на глобальном уровне. В распространении демократии же он видит не столько внедрение либерализма, сколько демократизацию миропорядка и создание более открытых для многостороннего участия институтов наднационального управления.¹⁵ Осознавая сходство двух стратегий, Социнтерн, как и многие другие социал-реформистские структуры и акторы, решает идти по пути наименьшего сопротивления.

Но даже пополнение рядов либерального крыла реформистского течения в 2000-х гг. не вывело его на влиятельные места. Реформистский глобализм в эти года стремительно терял поддержку в мире, уступая место, с одной стороны, различным модификациям либерального глобализма, стремительно вытеснявших социал-демократию с позиций, завоеванных в 1960-1970-е гг., с другой – более радикальным и маргинальным преломлениям левой мысли и левого движения, которые развиваются все реформистско-стратегической традиции.

Очевидно, что радикальные идеологии не сводятся лишь к левым. Течение, которое можно обозначить радикалистским, включает в себя почти несомнимые противоположности, в чем мы убедимся ниже. Но нахождение их в одной группе не случайно, ведь, отходя ненадолго от деления стратегий по идео-

логиям, можно разделить их по такому критерию как отношение к существующему порядку. Тогда образуются следующие подгруппы: охранительные стратегии, реформаторские стратегии и радикальные стратегии. Корреляция с делением на идеологической основе несомненна, да и не случайна. Нельзя сказать, что эти две классификации будут всегда соответствовать друг другу (ведь ничто не мешает умеренному либерализму стать господствующей идеологией, заменив тем самым неолиберализм), но в данном случае они почти что взаимозаменяемы.¹⁶ Эта зависимость связана с тем, что идеологическое измерение стратегий сегодняшнего дня – единственное измерение, где конкуренция выражается не в битве равных, а в борьбе с существующим порядком.

Библиография:

1. Войтоловский Ф.Г. Идеологическая рефлексия мировой политики // Международные процессы. Том 5. Номер 3(15). Сентябрь-декабрь 2007 <http://www.intertrends.ru/fifteen/004.htm>
2. Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-е – 2000-е гг. – М.: Крафт+, 2007.
3. Дж.Дж. Киртон. Система «Группы семи/восьми» и глобальное управление // Европейский союз и «Группа восьми»: совместная ответственность за глобальное общественное благо / О. Н. Барабанов, В. Н. Зуев, В. А. Картамышев и др.; отв. ред. М. В. Ларионова. ГУ ВШЭ, 2011.
4. Манойло А.В. Глобальная нестабильность на пороге новой большой войны. // Мир и политика. – 2012. – №12. – С. 87-89.
5. Манойло А.В. Ценностные основы управления межцивилизационными конфликтами: российская модель. // Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки. – 2012. – №3. – С. 89-92.
6. Lowry R. Reaganism vs. Neo-Reaganism // National Interest. 2005. № 79.
7. Хаттон Уилл. Мир, в котором мы живем. М.: Ладомир, 2004.

¹⁵ Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-е – 2000-е гг.

¹⁶ Пока что приставка «реформизм» прикреплена к умеренно либеральным и социал-демократическим силам, как если бы их оппозиционное положение было бы вечным.

Политика и общество 2 (98) • 2013

8. Мутаян М.А. Идеология глобализма и современный мир. http://www.allrus.info/main.php?ID=205780&arc_new=1
9. Европейский союз и «Группа восьми»: совместная ответственность за глобальное общественное благо / О. Н. Барабанов, В. Н. Зуев, В. А. Картамышев и др.; отв. ред. М. В. Ларионова. ГУ ВШЭ, 2011. Стр. 159
10. Барбрук Р., Камерон Э. Калифорнийская идеология. <http://www.zhurnal.ru/4/calif0.htm>

References (transliteration):

1. Voytolovskiy F.G. Ideologicheskaya refleksiya mirovoy politiki // *Mezhdunarodnye protsessy*. Tom 5. Nomer 3(15). Sentyabr'-dekabr' 2007 <http://www.intertrends.ru/fifteen/004.htm>
2. Voytolovskiy F.G. Edinstvo i razobshchennost' Zapada. Ideologicheskoe otrazhenie v soznanii elit SShA i Zapadnoy Evropy transformatsiy politicheskogo miroporyadka 1940-e – 2000-e gg. – М.: Kraft+, 2007.
3. Dzh.Dzh. Kirton. Sistema «Gruppy semi/vos'mi» i global'noe upravlenie // *Evropeyskiy soyuz i «Gruppy vos'mi»: sovmestnaya otvetstvennost' za global'noe obshchestvennoe blago* / O. N. Barabanov, V. N. Zuev, V. A. Kartamyshev i dr.; отв. ред. М. В. Ларионова. ГУ ВШЭ, 2011. Стр. 159
4. Manoylo A.V. Global'naya nestabil'nost' na poroge novoy bol'shoy voyny. // *Mir i politika*. – 2012. – №12. – S. 87-89.
5. Manoylo A.V. Tsennostnye osnovy upravleniya mezhtsivilizatsionnymi konfliktami: rossiyskaya model'. // *Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. – 2012. – №3. – S. 89-92.
6. Lowry R. Reaganism vs. Neo-Reaganism // *National Interest*. 2005. № 79.
7. Khatton Uill. *Mir, v kotorom my zhivem*. М.: Ladomir, 2004.
8. Mutayan M.A. Ideologiya globalizma i sovremenny mir. http://www.allrus.info/main.php?ID=205780&arc_new=1
9. Evropeyskiy soyuz i «Gruppy vos'mi»: sovmestnaya otvetstvennost' za global'noe obshchestvennoe blago / O. N. Barabanov, V. N. Zuev, V. A. Kartamyshev i dr.; отв. ред. М. В. Ларионова. ГУ ВШЭ, 2011. Стр. 159
10. Barbruk R., Kameron E. Kaliforniyskaya ideologiya. <http://www.zhurnal.ru/4/calif0.htm>